

Мотив зова Судьбы, определивший сюжет и образы драмы 1908 г. «Песня Судьбы», получает здесь свою дальнейшую разработку. Не случайно М. А. Бекетова предложила назвать новую драму «Песня зовущая», но с оглядкой на «Песню Судьбы» сама же и отказалась от этого названия.

Великан с дельфином на щите — это сама Судьба, повергающая героя во прах, обрекающая его на унижение и позор; но герой, совершая свой незаметный нравственный подвиг, принимая всю полноту унижения (почти шут, почти юродивый, воплощение евангельской идеи «нищеты духа») и сохраняя при этом верность, исполняя свой долг до конца, свято служа «единственной на свете», вступает в единоборство с Судьбою и, смертельно раненный, одерживает над нею победу. Мера самоотвержения настолько велика, что он, верный вассал, сражается на стороне, враждебной его собственным убеждениям. Ему нужно бы быть заодно с Судьбою, знаком которой является благородный дельфин, и тогда он был бы героем, а не Рыцарем-Несчастье — неудачником, всеми презираемым и гонимым. Но нравственная сила его достигает такой высоты, что он, обреченный на смерть от полученной раны, одерживает верх над Судьбою.

Символическое значение приобретает и меч Бертраана, занимающий свое место в сложной символике меча в творчестве Блока. Это изначально амбивалентный образ, знаменующий жизнь и смерть, символизирующий начало высшей справедливости в библейско-евангельской символике, оружие в руках Судьбы и героя. В эпическом средневековье меч персонифицировался и нарекался собственным именем. Меч — рабочий инструмент рыцаря и высшая для него награда. Меч вручается при посвящении; на мече новообращенный рыцарь приносит клятву. Меч — символ верности, «стояния на страже», служения Даме. Рыцарь, одержавший в поединке победу в честь Дамы, складывает свой меч к ее ногам. Это также символ чистоты и целомудрия (меч, разделяющий спящих Тристана и Изольду). В контексте символики блоковской драмы меч отождествляется с крестом. В первой редакции Рыцарь-Грядущее, поразивший насмерть Бертраана в финале драмы, «осеняет его рукоятью меча, как крестом» (ремарка Блока, ЧА, л. 216). Устройство и форма меча позволяет проводить это мифологическое отождествление: эфес как перекладина разделяет лезвие и рукоять.

Мечом осуществляется связь с другими мирами, он прорезает сферы и стихии (меч Моисея, разделивший воды моря; у Блока это — золотой меч, пронзающий сине-лиловый мировой сумрак). Меч также может служить мостом в другой мир. Падающий со звоном меч из рук умирающего Бертраана — не только условленный знак-предупреждение для Изоры, но и знак перехода Бертраана в другой мир.

Меч Гаэтана дополнен еще одним важным для Блока значением, также восходящим к евангельской символике: знак творчества, высокого и ясного «слова» — орудия Поэта. Это значение проясняется в следующем высказывании Блока: «Меч — слово, но, когда за словом становится музыкальное марево, меч тонет» (Письмо к Л. Л. Кобылинскому-Эллису от 5 марта 1907 г.) [2, т. 8, с. 182]. Эта же символика оформляет сюжет стихотворения «Идут часы, и дни, и годы...» (4 октября 1910 г.).

В тексте драмы находит конкретизацию и такое мифологическое значение меча, как единение, союз [10, т. 2, с. 149]: «Союз, заключенный в звоне мечей, /Словом мы крепче скрепим!»

Образ Гаэтана, его роль в драме, как и образ и роль Бертраана, определились лишь в работе над третьей редакцией к декабрю 1912 г. 9 ноября Блок записывает в Дневнике: «Потом — я понял окончательно, что Рыцарь-Грядущее должен быть переделан». В первой и второй редакциях этот герой вступал в земные